



Научная статья

УДК 81.42 УДК 81'22 141.319.8

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172

Постправа и концепт «война» в провокативном медиадискурсе

Галина Сергеевна Мельник¹, Борис Яковлевич Мисонжников²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹melnik.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>,

²b.misonzhnikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>

Актуальность темы объясняется возрастающей опасностью засорения глобального информационного пространства недостоверными новостями, дезориентирующими аудиторию и подрывающими её доверие, как к средствам массовой информации, так и к политическим институтам, ухудшающими деятельность оппозиционных сил, усиливающими поляризацию общества и деструктивно влияющими на духовно-нравственные ценности социума. Особенно велики риски дезинформации и распространения заведомо ложных сведений в период военных противостояний и в условиях развернутой против нашей страны широкомасштабной информационно-психологической войны. Цель исследования – всестороннее изучение репрезентации в российских и зарубежных сетевых медиа концепта «война», представляющего собой сложное ментальное образование, которое отличается национальной спецификой. Доминирующей в концепции «война» является её аксиологическая составляющая. В качестве методов исследования применялись концептуальный, контекстуальный и структурный анализ медиатекстов, а также семантический анализ, предполагающий декодировку набора маркеров (концептов), соотносящихся с эмоциональным состоянием субъекта речи. Характеристика основных понятий «война» и «дезинформация» даётся в рамках психолингвистического подхода. Концепт «война» экзистенциально значим для каждого человека, поскольку наполнен семантикой смерти и жизни. Когнитивный подход позволил рассмотреть вербализованные ключевые концепты информационного пространства, языковые средства как инструмент политического управления аудиторией. Сформулированные результаты исследования опираются на анализ практики современных социальных медиа. Основной вывод – в условиях информационно-психологического противостояния Запада и России большинство новостей в медиaprостранстве не отвечает критерию достоверности, хотя они вызывают общественный резонанс. Фактчекинговые ресурсы во многом могли бы упростить работу журналистов, но на сегодняшний день они недостаточны. Анализ сетевых материалов свидетельствует о необходимости более тщательной проверки работы журналистов над фактами.

Ключевые слова: массмедиа, постправа, концепт, война, ложь, дезинформация, провокативный дискурс

Original article

Post-truth and the Concept of “War” in Provocative Media Discourse

Galina S. Melnik¹, Boris Ya. Misonzhnikov²

^{1, 2}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹melnik.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>

²b.misonzhnikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>

The relevance of the topic is explained by the increasing danger of clogging the global information space with unreliable news, disorienting the audience and undermining its trust in both the media and political institutions, worsening the activities of opposition forces, increasing the polarization of society and destructively influencing the spiritual and moral values of society. The risks of disinformation and the dissemination of deliberately false information are especially high during military confrontations and in the context of a large-scale information and psychological war launched against our country. The purpose of the study is a comprehensive study of the representation in Russian and foreign network media of the concept of “war”, which is a complex mental formation that is characterized by national specifics. The dominant concept in the concept of “war” is its axiological component. The research methods used were: conceptual, contextual and structural analysis of media texts, also semantic analysis, involving the decoding of a set of markers (concepts) related to the emotional state of the subject of speech. Characteristics of the basic concepts of “war” and “disinformation” are given within the frame-

© Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я., 2023





work of the psycholinguistic approach. The concept of “war” is existentially significant for every person, since it is filled with the semantics of death and life. The cognitive approach made it possible to consider verbalized key concepts of the information space, linguistic means as a tool for political management of the audience. The conclusions are based on an analysis of the practice of modern social media. The main conclusion: in the conditions of informational and psychological confrontation between the West and Russia, most news in the media space does not fulfil the criterion of reliability, although the publications cause public resonance. Fact-checking resources could greatly simplify the work of journalists, but today they are insufficient. Analysis of online materials indicates the need for more careful verification of journalists’ work on facts.

Keywords: mass media, post-truth, concept, war, falsehood, disinformation, provocative discourse

Введение. В современном мире происходят трансформации, которые не могут не вызывать тревоги и указывают на изменение сущностных архетипических и гуманитарных кодов, которые складывались в общественном ментальном континууме в течение многих столетий. Институт массмедиа, на который люди возлагали надежды – да и сейчас ещё возлагают, – явно не справляется со своей социально-политической миссией и зачастую становится средством искажения действительности, распространения недостоверной информации, действующей разрушительно на общественное сознание. Внедрение IT-систем, призванных, казалось бы, освободить человека от решения рутинных проблем, создать условия для более творческого использования им ресурсов, внесли, вне всякого сомнения, новые алгоритмы в отношения между субъектами органов государственно-политического управления и медийными комплексами. Но это отнюдь не свидетельствует об улучшении гуманитарной ситуации и оптимизации этих отношений.

Сегодня лингвокультурная парадигма постмодернистского толка, несмотря на многие позитивные максимы модерна – достаточно упомянуть значительные достижения в областях индустриализации и секуляризации, развития научного знания – всё же стала реальностью, утверждая свои ценности и приоритеты. Они во многом повлияли на медийные тренды. Как подчёркивает В. П. Черкасова, «информация подаётся в нейтральном и безразличном стиле с тем, чтобы размышления автора не возмутили слушателя... Ещё одной особенностью подачи информации в современном мире является драматизация новостей. Имеется в виду, что вся информация, которую мы получаем (политическая, историческая, экономическая или культурная) подаётся нам в форме своего рода происшествия...» [1, с. 116–117]. То есть, факт, семантически строгий, не подвластный воздействию той или иной исходной концептуальной схемы,

заранее подготовленной парадигмы, практически удаляется из медийной сферы.

Особое внимание О. Е. Брун обращает на то, что «возникает невиданная ранее “рефлексивная реальность”, подвижного и пластичного типа, способная к самотворению и самоорганизации. Некоторые СМИ принципиально отказались от разграничения “отечественной” и “зарубежной” аудиторий, делая ставку на глобальность теле- и радиовещания» [2], и далее автор этого высказывания обращается к концепции Э. Гидденса, который среди постмодернистских интенций особо выделил ту, которая декларирует, что «истина обретает контекстуальный характер» [Там же, с. 238]. Говоря другими словами, истина, т. е. гносеологическая категория – положение, объективно подтверждённое научной теорией и практикой, коррелирует реальному предмету, зависит от контекста, общего смысла политико-социальной и культурологической ситуации. Это стало основой концептуального оформления категории «постправда».

Медийные и социальные процессы Э. Гидденс соотносит с рефлексивной практикой современного социума и приходит к важным выводам, проясняющим его констатацию в отношении контекстуального характера истины. М. Гитонга, анализируя концепции Гидденса, отмечает: он говорит о появлении «саморефлексивного человека», который «начинает осознавать, что то, что он рассматривает как своё собственное решение, может быть социальной конструкцией» [3] и «вопрос о том, насколько внешние силы формируют нас, занимает центральное место в этом взгляде на современность» [Там же]. То есть, «независимое» решение индивида оказывается лишь «социальной конструкцией», разработанной кем-то другим. Не об этом ли говорил в свое время Ж. Бодрийяр, когда отмечал «кризис функциональности» и указывал на излишнюю самонадеянность субъекта, приводящего к определенному выводу: «утверждают, что контролируют процесс посредством



овладения означаемыми ("объективная" оценка функций), но на самом деле преобладает игра означающих» [4, с. 247].

В постмодернистской социальной парадигме, в условиях рефлексивной реальности – как бы и реальности, но особо пластичной, податливой, а потому и не лишенной некоторой прагматической «изысканности», – остаётся существовать категория лжи (неправды), часто заменяемая в последнее время лексической единицей «фейк», некоторым эвфемизмом, более мягким и толерантным, но означаящим практически то же самое. Фрейд «неправда» в политико-социальном отношении всегда имел негативную коннотацию, но в условиях глобального кризиса, возникновения горячих точек с большим числом жертв, включая и мирное население, неправда становится часто инструментом преднамеренного искажения реальности, разжигает чувства ненависти, жестокости и напрямую инспирирует ведение кровопролитных боевых действий. Один из теоретиков информационной войны Либски характеризовал её основные составляющие – защиту, манипулирование, искажение (введение в заблуждение) и опровержение [5]. Категория «информационной войны» требует внимательного исследования её онтологической сути и выявления механизмов применения как составляющего элемента дискурсного оружия.

Методология и методы исследования. Использовался комплексный метод изучения семантической структуры лингвокультурного концепта «война», а также метод анализа словарных дефиниций. Применялись методы концептуального и контекстуального анализа; сравнительно-сопоставительный метод, направленный на выявление особенностей концептов, связанных с национальными, культурными и языковыми традициями.

Задействован также психолингвистический подход, предполагающий при анализе медиатекстов семантическую декодировку набора маркеров (концептов), соотносящимся с эмоциональным состоянием субъекта речи. Сравнительный анализ медиатекстов способствовал выявлению идеологически противоположных, конфликтных авторских позиций в освещении военных событий. Сравнительно-генетический метод позволил проследить связь современности с прошлой традицией.

Результаты исследования и обсуждение. Слово «война», славянское по своему

происхождению (wojъna), впервые встречается в письменных памятниках XI в. Производными от слова являются: военный, воин, воинственный, вояка, воинский, воинство¹.

Как в историческом прошлом, так и в наши дни, понятие характеризуется многозначностью. В наше время под словом «война», которое в манипулятивном плане часто коррелирует с понятием постправды, понимают вооруженную борьбу как между государствами, так и внутри государств, а также действия, направленные на уничтожение друг друга.

Концепт «война» трактуется по-разному в каждой области знания (лингвистика, история, литературоведение, филология, коммуникология). Филологами изучаются военные мемуары, фольклорные новостные, аналитические и публицистические тексты, пословицы и поговорки, в которых находит выражение специфика ассоциативно-семантического восприятия этого концепта в различных языковых национальных картинах.

Ряд научных статей посвящен изучению уникальной ситуации, сложившейся в коммуникативно-публичном пространстве в момент начала специальной военной операции (СВО). Так, в статье филолога Н. С. Цветовой делается акцент на таких характеристиках пространства, как «квази-коммуникативное взаимодействие, разрушение национальных риторических приоритетов, увлечённость коммуникативными играми» [6].

В научном дискурсе используется выражение «информационная война», под которой понимают «противоборство между двумя государствами или группами государств в информационном пространстве в целях нанесения ущерба государственным информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим объектам; подрыва политической, экономической и социальной систем; массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны»². Такая война направлена на до-

¹ Семенова А. В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/v/война> (дата обращения: 01.11.2023). – Текст: электронный.

² Мушта А. А., Баранов А. В. Информационная война. – Текст: электронный // Большая российская энциклопедия. – URL: bigenc.ru (дата обращения: 29.11.2023).



стижение превосходства в информационном противостоянии и предусматривает, на что обращает внимание *академик военных наук, эксперт Лиги военных дипломатов* А. А. Бартош, проникновение в стратегически важные информационные системы другой страны. В такой войне ставится цель «скомпрометировать конфиденциальные данные, распространить злонамеренную дезинформацию, посеять сомнения и страх среди населения» [7].

В современных научных текстах используется понятие «информационно-психологическая война», с одной стороны как «противоборство в СМИ различных политических сил для достижения различных политических целей» [Там же], а с другой – как «военное противоборство в информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя, снижения эффективности соответствующих действий противника» [Там же, с. 95].

В когнитивной лингвистике информационная война рассматривается как семантическое воздействие на ментальные структуры аудитории и имеющее целью их изменение с помощью вербализованных и невербализованных знаний [8, с. 93]. В статье В. В. Волкова анализируются, с одной стороны, ключевые семантические компоненты концепта «война», значимые для «наивного» сознания, с другой стороны, прецедентные словосочетания, бытующие в различных видах военно-политического дискурса, фиксирующие различные стороны современного геополитического противоборства. Так, объекты интерпретируются на основе ряда семантических оппозиций: «жизнь – смерть», «государство – население» [9].

Авторы отдельных исследований, посвящённых проблеме «гибридной (синоним информационной) войны», оценивая пропагандистский потенциал в ней отечественных СМИ в начальный период СВО, указывали на их неэффективность, что свидетельствовало о проигрышах информационным противникам. Последние, по свидетельству медиаэксперта С. Н. Ильченко, «в буквальном смысле “бросили в бой” заранее подготовленную и настроенную на различные слои российского общества систему манипулятивного перманентного влияния в выгодном для себя дискурсе» [10, с. 158].

Предметом научных дискуссий особенно часто становятся проблемы изучения понятий «манипуляция», «ложь», «дезинформация», «фейк» применительно к дефиниции «война» [11]. В когнитивной сфере статус общего и широко интерпретируемого фрейма приобрела категория неправды.

В провокативном дискурсе понятие неправды имеет множество семантических и оценочных оттенков: это и лукавство как почти безобидная неискренность, некая уловка, не причиняющая серьёзного вреда, это и вранье, более грубая и разговорная форма понятия, подразумевающая, однако, и детские фантазии, обман просто как шалость, за которую наказывать не будут. Это и ложь – искажение истины, по выражению А. С. Чахоян, сложное переплетение «интенциональных (преднамеренных) аспектов когнитивной и нравственной сферы личности» [12, с. 74]. Понятие лжи, хотя она и бывает «во благо», имеет отрицательную коннотацию, которая может достигать высочайшего накала в тех случаях, когда ложь инспирирует катастрофические события, приводит к неисчислимым жертвам и страданиям невинных людей. Она становится как бы самостоятельным звеном между субъектом, её продуцирующим, и самим преступным деянием. Её роль – инспирация злонамеренного события, причем в нарративной цепи инспираторами являются и субъект лжи, и она сама.

Ложь реализуется всегда как семиотический феномен, в конкретных текстах, у которых есть авторы. По совету Конрада Аденауэра, «никогда не лги, потому что ты ведь никогда не сможешь сохранить в памяти то, что сказал». Но самого канцлера уличил во лжи Манфред Петрич, политический деятель, журналист и легендарный блогер из Швейцарии, выступающий под псевдонимом Freeman-Fortsetzung. Конечно, Аденауэр, будучи канцлером ФРГ, в свое время сделал много полезного для немцев. Но он, лживо ссылаясь на «русскую угрозу», выступил за абсолютное подчинение страны американской политико-правовой и экономической доктрине, приложил много сил для становления бундесвера в системе НАТО, что обусловило существование ФРГ в крайне зависимом от США положении, её полную несамостоятельность. Это негативно сказывается в течение многих десятилетий и может иметь поистине губительные последствия в будущем. Аденауэр инспирировал



«разделение Германии и ее оккупацию (со стороны США. – Г. М., Б. М.), которая продолжается и сегодня»¹. Так политика, изначально построенная на лжи, привела правительство ФРГ к участию в военно-террористической авантюре украинского режима.

Невозможно отрицать то, что субъекты инспирации – а это часто влиятельные политические лидеры – обладают не только высоким уровнем профессионализма, но и «эффективно привлекают к себе внимание средств массовой информации и завладевают эмоциями публики... Они обладают зарядом обаяния... Лидер-инспириатор чаще всего прирожденный актер»². Но распространяемая ими ложь часто оказывается инспириатором военного терроризма. Представители западного истеблишмента лгут и позже сами же признаются в этой лжи, о чём свидетельствуют, в частности, признания Меркель и Олланда о фиктивности их обещаний выполнять Минские соглашения. Следствием стали масштабные военные действия с большими жертвами, включая мирное население.

Ложь, распространяемая через мощную медийную систему Запада, становится сильнейшим инспириатором терроризма, осуществляемого украинским режимом. Так, она буквально пронизывает современные массмедиа Германии. М. Новрот, корреспондент сетевого издания WiWo Online, которое входит в крупную медиагруппу Handelsblatt, высказался совершенно определенно: «В Германии дело дошло до того, что представители некоторых групп говорят о “лживой прессе”...»³.

Ложь, фейковые новости, включенные в государственную пропаганду западных

стран и распространяемые от создателей к потребителям через сложную экосистему веб-сайтов, ботов и социальных сетей [13], направлены на дезинформацию аудитории. Каждый пользователь, согласно эффекту «эхо-камеры», искажающей картину действительности [13, с. 248], подвергается многократному воздействию одной и той же новости о военных действиях из нескольких источников. СМИ в этой системе представляют собой не просто передаточное звено, но стимулятор действий, в том числе протестных, военных и даже террористических. Это, в частности, со всей очевидностью проявилось в случае с подрывом газопроводов «Северный поток».

Ложь используется для борьбы с чуждой идеологией и в дискредитации персон, компаний, стран и при этом идеологические заказы нередко оказываются хорошо оплаченными. Бесчисленное количество фейков публикуется в украинских телеграмм-каналах (*Труха.Украина, Всевидящее ОКО. Украина, Pravda Gerashchenko*), а также на новых информационных платформах, например, FREEDOM: DOC. Распространяются ложные сведения о массовых изнасилованиях женщин, детей и стариков; пытках и убийствах мирных жителей; насилии над животными; использовании крематориев и фильтрационных лагерей; постановочных сюжетах и об обстрелах Донбасса. Масштаб охвата аудитории впечатляет. Так, абсурдную видеoinформацию, сгенерированную большим воображением украинских пропагандистов, о том, что российским солдатам раздают виагру для того, чтобы они насиловали украинцев, увидели 22 миллиона человек. Цель – дискредитация российских Вооруженных сил, расчеловечивание и деморализация российского общества, деморализация России и ее действующего президента, стимуляция русофобских настроений и продолжения военных действий.

Всё это создаёт мощное пространство провокативного дискурса, но простые и прямолинейные категории не очень хорошо укладываются в прокрустово ложе постмодернистской идеологии, они создают дискомфорт и могут быть отторгнуты. В условиях рефлексивной реальности апробируются технологии более тонкого когнитивного воздействия на субъекта, манипулирования им без прямого информационно-психологического насилия и шантажа. По мнению В. П. Черкасовой, «постмодернисты отме-

¹ Касамара В. А., Урнов М. Ю., Шаблинский И. Г. Инспириаторы, технологи, объединители: учеб.-метод. комплекс по дисциплине «Введение в политологию». М.: Высшая школа экономики, 2008. – 33 с. – URL: <https://psihdocs.ru/uchebno-metodicheskij-kompleks-po-discipline-vvedenie-v-polito.html?page=32> (дата обращения: 26.10.2023). – Текст: электронный.

² Касамара В. А., Урнов М. Ю., Шаблинский И. Г. Инспириаторы, технологи, объединители: учеб.-метод. комплекс по дисциплине «Введение в политологию». М.: Высшая школа экономики, 2008. – 33 с. – URL: <https://psihdocs.ru/uchebno-metodicheskij-kompleks-po-discipline-vvedenie-v-polito.html?page=32> (дата обращения: 26.10.2023). – Текст: электронный.

³ Nowroth M. Ulrich Wickert: Medien haben ein falsches Verständnis von Toleranz. Die russische Propaganda richtet sich gegen deutsche Medien. – Текст: электронный // WiWo Online. – URL: <https://www.wiwo.de/politik/deutschland/ulrich-wickert-die-russische-propaganda-richtet-sich-gegen-deutsche-medien/12890660-2.html> (дата обращения: 28.10.2023).



чали ещё одну особенность современных СМИ. Последние вместо выполнения функции посредника становятся инструментом, исключая реакцию и обратный ответ от реципиента, попросту "усыпляя" его своими "универсальными" и "катастрофическими" посланиями. Следствием чего становятся общественная индифферентность и апатия. Одновременно, по мнению теоретиков постмодернизма, именно массы требуют от СМИ все новых образов и "спектаклей" (чем объясняется высокий рейтинг развлекательных ток-шоу) [1, с. 117].

В этом есть эффект, отвлечения от реальности, усыпления. Таким усыпляющим «посланием» вполне может стать категория «брехня» (bullshit), которая рассматривается по-научному дотошно и с привлечением полного арсенала аналитической и когнитивной методологии. Г. Г. Франкфурт указывает: «Сколько бы усердия и самоотдачи брехун ни вкладывал в свою брехню, все равно он "работает нечисто", недобросовестно и хочет, чтобы в итоге это сошло ему с рук. В его деятельности, как и в работе кустаря-халтурщика, присутствует некий элемент расхлябанности, состоящий в стремлении уклониться от правил, уйти от соблюдения строгой и бескорыстной дисциплины» [14, с. 44]. Но «брехня» оказалась очень востребованной постмодернистской категорией: представленная в ней ложь как бы и не ложь, а просто элемент игры, а то, что реципиент посчитает ее правдой, – это его проблема, ведь ему никто и не обещал никакой правды. В брехне вообще не может быть никакой серьезной констатации правды. А. В. Морозов поясняет: «Итак, если позиция брехуна подразумевает безразличие к истине, а позиция лжеца – искажение или же отрицание истины, то постправда характеризуется иной установкой – отвержением не конкретной правды, а истины самой по себе в качестве критерия или стандарта оценки нас и наших суждений [15, с. 96]. При этом брехня может мимикрировать под правду, субъект её использования даже может утверждать, что ее существование, мол, несомненно, является ассерторическим фактом. И на этом основании возникнет ситуация в парадигме постправды.

Подобная ситуация возникает в области медийных практик не так редко. Впечатляющий факт – деятельность израильского шоумена, который прославился как «эксперт». Григорий Тамар распространяет информа-

цию, которая искажает действительность, содержит клевету на Россию и её Вооруженные силы и провоцирует на разжигание войны. Он наводнил Сеть своими подкастами, в которых с первых же дней проведения специальной военной операции активно комментирует события на Украине и крайне негативно высказывается о российских военнослужащих. Надо отдать ему должное: речь довольно бойкая, правильная, ведь родом Тамар из России.

Умеет, когда нужно, говорить с пафосом, а иной раз – проникновенно, доверительно, уважительно по отношению к ведущему и аудитории. Он рассуждает о проблемах тактики военных действий, на темы морали, о гуманизме. Он очень популярен как «независимый эксперт и писатель» и начинает свои выступления неизменно со слов: позвольте, мол, отрекомендоваться – «офицер армии обороны Израиля – ЦАХАЛ». Когда началась СВО, Тамар выступил с речью, содержащей оскорбления по адресу Президента Российской Федерации, который якобы во второй раз лишил его, «эксперта, писателя и офицера», Родины. Под первым разом подразумевается выезд Тамара из России, когда КГБ «вынудил» его покинуть пределы страны. Второй раз – начало СВО, что не позволяет Тамару «по моральным соображениям» признавать свою связь со страной, в которой он родился. Во время трагических событий в Израиле октября 2023 г. этого человека, который комментировал преступления террористов, представили как «офицера израильской спецслужбы», и он кивнул в знак согласия.

Поведенческий паттерн Тамара нуждается в уточнении. Он выработал определённый шаблон речевых действий, который без проникновения в их суть может приниматься за правду и рассматриваться как праведная реакция на несправедливости окружающего мира. Но это только кажется правдой, а на самом деле это случай продуманной воздействующей речи, за мнимой простотой и искренностью которой кроются изощренные риторические приемы, продуманные достаточно тонкие метафоры и методы суггестии как средства управления сознанием людей. Тамар выступает, безусловно, как активный актер формирования политического медиадискурса и решает задачи специальной пропаганды: он внедряется в процессы идеологического обеспечения ведения войны на стороне наиболее агрессивных



западных сил, расчётливо действует в направлении дискредитации противостоящих им участников боевых операций, прежде всего СВО, провоцирует появление наиболее радикальных форм противостояния Запада и России.

Речевое поведение Тамара отличается эмоциональностью, апеллированием к общеизвестным фактам, их жесткой интерпретацией, самоуверенностью и в то же время загадочной недосказанностью. В связи с этим обратим внимание на замечание Ю. В. Шатина: «Наконец, самым важным элементом нарратива постправды оказывается незавершенность финала. Весь риторический эффект данного феномена мгновенно бы испарился, если бы событие однозначно всеми было воспринято как правда или как ложь» [16, с. 254]. Впрочем, недосказанность Тамара имеет и объективные причины: он, действительно, окончив Омское медучилище, служил в израильской армии, но медиком. И не более того. То есть он не может разбираться в тактике, а тем более в стратегии, боевых действий, не может давать компетентных заключений о проведении специальных операций.

Содержание всех «экспертных» заключений Тамара – фантазии брутального шоумена, который призывает к войне, к убийству людей. Да и родины его никто не лишал: когда Тамар эмигрировал, а именно в начале 90-х гг. XX в., никакой КГБ помешать его выезду уже не мог. Его обращение «как офицера» к российским военнослужащим вызвало отклики тех, кто посмотрел подкаст, и большая часть их отрицательно оценивает позицию «эксперта». Так, Арик Кам замечает: «Григорий Тамар – человек, который живёт в параллельной реальности, созданной пропагандой западного мира о России и Путине». Людмила: «Только сейчас прочитала. Так вот, этот Григорий не представляет Израиль. Он блогер, который зарабатывает в Интернете. И вообще, он не тот, за кого себя выдает. Так что не принимайте его слова близко к сердцу»¹.

Обзор материалов информационного ресурса ИНО. СМИ показывает, что многие ведущие западные и американские медиа наполнены русофобскими статьями, дискур-

¹ Григорий Тамар: Я, офицер ЦАХАЛа, обращаюсь к офицерам российской армии. – Текст: электронный // ITON TV. – 2022. – 5 дек. – URL: <http://www.iton.tv/skazano-na-iton-tv/19174-grigorii-tamar-ya-ofitser-tzahala-obrashayus-k-ofitseram-rossiiskoi-armii.htm> (дата обращения: 31.10. 2023).

сивные технологии направлены на изменение когнитивных структур аудитории, зачастую построены на дезинформации («The New York Times», «Financial Times», «The Wall Street Journal», «The Guardian», «The Times», «The Observer», «The Mirror» и др.).

Трудно не согласиться с выводом исследователей Забайкальского госуниверситета, считающих, что «отсутствие иммунитета к ложной информации, массово распространяемой в период инфовойны, представляет реальную угрозу для традиционных ценностей, являющихся базовыми и основой сохранения идентичности и государственности» [17].

Заключение. В российском научном дискурсе концепт «война» остаётся значимым элементом культуры. В большинстве источников информационная война рассматривается как вербальная или дискурсивная. Концепт связан с культурно-семантическими единицами, как «горе», «зло», «жестокость», «разрушение», «смерть», «бедствие», «слезы», «раны», «страдания», «ужас». Мониторинг сетевых медиатекстов (случайная выборка) позволил выявить определенные направления взаимосвязи концепта «война» с близкими по смыслу концептами, выделены типичные характеристики определения «война» в разных провокативных дискурсах. Семантическая структура концепта «война» имеет свои национально-специфические компоненты.

Недостоверные сведения распространяются через сложную экосистему веб-сайтов, ботов и социальных сетей. Их цель – дезинформация аудитории, борьба с чужой идеологией и дискредитация персон, компаний, целых стран.

Исследовательское внимание в последнее время к феномену «война» только растёт. Представители разных направлений гуманитарной науки предлагают свои подходы к трактовке понятия, что делает очевидным необходимость его изучения в научном сообществе в дальнейшем. Тема остается перспективной и актуальной. Перед научным сообществом стоит задача разработки единых методик проверки (фактчекинг) данных, разоблачения технологий создания и распространения фейков, фильтрации деструктивных информационных потоков, создание базы «вредоносных» информационных ресурсов и применение фактчекинга как основы медиаобразовательных проектов.



Список литературы

1. Черкасова В. П. Постмодернистская парадигма в политической теории: проблема СМИ // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 114–122.
2. Брун О. Е. Развитие теории социальной сети // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 236–241.
3. Gitonga M. Anthony Giddens-Theory of Modernity & Sociological Views. 2021. URL: <https://www.tutorspoint.com/sociology/anthony-giddens-theory-of-modernity-sociological-views> (дата обращения: 03.09.2023). Текст: электронный.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.
5. Libicki, What is Information Warfare? Washington: National defense university, 1995. P. 77–78.
6. Цветова Н. С. Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 101–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111.
7. Бартош А. А. Гибридная, скрытная, непредсказуемая – Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности (nic-pnb.ru). С. 95. URL: <https://nic-pnb.ru/informacionnoe-protivoborstvo/gibridnaya-skraytnaya-nepredskazuemaya/?ysclid=loeoq6n1ql276950081> (дата обращения: 03.09.23). Текст: электронный.
8. Коцюбинская Л. В. Понятие «Информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 93–96.
9. Волков В. В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского гос. ун-та. 2017. № 1. С. 103–113.
10. Ильченко С. Н. Газлайтинг: трансформация манипуляции от частного к общему в практике современных медиа // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 153–163.
11. Хромов А. А., Томилов И. С. Манипулятивные технологии отечественных и зарубежных средств массовой информации в военно-политическом дискурсе. Текст: электронный // Актуальные исследования. 2023. № 39. URL: <https://apni.ru/article/7056-manipulyativnie-tekhnologii-otechestvennikh> (дата обращения: 29.11.2023).
12. Чахоян А. С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 2. С. 74–79.
13. Ершов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникативных практик // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 52. С. 245–256. DOI: 10.17223/19986645/52/15.
14. Франкфурт Г. Г. К вопросу о брехне: логико-философское исследование / пер. с англ. М. Ослона. М.: Европа, 2008. 120 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ф/frankfurt-garri-gordon/o-brehne-logiko-filosofskoe-issledovanie/2?ysclid=lohka772h> (дата обращения: 03.09.2023). Текст: электронный.
15. Морозов А. В. Ответ на вопрос: что такое постправда? Перспектива проблематологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 93–105.
16. Шатин Ю. В. Постправда как риторический феномен в современном медиaprостранстве // Вестник Новосибирского государственного университета. 2020. Т. 19, № 6. С. 250–257.
17. Мясникова Ц. Ц., Сафронова О. В., Толстоулакова Ю. В. Фейки в социальных медиа Забайкальского края: война с аксиологией социума // Гуманитарный вектор. 2023. № 18, № 3. С. 164–174. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174.

Информация об авторах

Мельник Галина Сергеевна, доктор политических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; g.melnik@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>.

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

Вклад авторов в статью

Мельник Г. С. – систематизировала и анализировала материал исследования.

Мисонжников Б. Я. – является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

Для цитирования

Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Постправда и концепт «война» в провокативном медиадискурсе // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 164–172. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 20.10.2023.



References

1. Cherkasova, V. P. Postmodern paradigm in political theory: the problem of the media. *World Economy and International Relations*, no. 3, p. 114–122, 2015. (In Rus.)
2. Brun, O. E. Development of the theory of social network. *Bulletin of MGIMO–University*, no. 1, pp. 236–241, 2011. (In Rus.)
3. Gitonga, M. Anthony Giddens–Theory of Modernity & Sociological Views. 2021. Web. 03.09.2023. <https://www.tutorsploit.com/sociology/anthony-giddens-theory-of-modernity-sociological-views> (In Rus.)
4. Bodriyyar, Z. H. Consumption Society. Its myths and structures. Trans. from French by E. A. Samarskaya. M: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. (In Rus.)
5. Libicki, Martin C. What is Information Warfare? Washington: National defense university, 1995. 1995: 77–78. (In Engl.)
6. Tsvetova, N. S. Wartime journalism: communicative position of the author of a media text. *Humanitarian Vector*, no. 3, pp. 101–111, 2023. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111. (In Rus.)
7. Bartosh, A. A. Hybrid, secretive, unpredictable. *Research Center for National Security Problems*. P. 95. (In Rus.)
8. Kotsyubinskaya, L. V. The concept of “Information war” in modern linguistics: new approaches. *Political linguistics*, no. 4, pp. 93–96, 2015. (In Rus.)
9. Volkov, V. V. Linguocultural concept “War”: semantic core, aspects of hermeneutic research. *Bulletin of the Tver State University. Series. Philology*, no. 1, pp. 103–113, 2017. (In Rus.)
10. Il'chenko, S. N. Gaslighting: transformation of manipulation from the particular to the general in the practice of modern media. *Humanitarian vector*, no. 3, pp. 153–163, 2023. (In Rus.)
11. Khromov, A.A., Tomilov, I. S. Manipulative technologies of domestic and foreign media in military-political discourse. *APNI. Scientific journal “Current research”*, October, no. 39 (169), 2023. (In Rus.)
12. Chakhoyan, A. S. The concept of lying: differential diagnosis. *Theoretical and experimental psychology*, no. 2, pp. 74–79, 2015. (In Rus.)
13. Ershov, Yu. M. The phenomenon of fake in the context of communicative practices. *Vestnik of Tomsk State University. Philology*, no. 52, pp. 245–256, 2018. DOI: 10.17223/19986645/52/11 (In Rus.)
14. Frankfurt, G. G. On the issue of nonsense: a logical and philosophical study / trans. from English by M. Oslon. M: Europe, 2008. M: Evropa, 2008. (In Rus.)
15. Morozov, A. V. Answer to the question: what is post-truth? Perspective of problematology. *Horizons of humanitarian knowledge*, no. 3, pp. 93–105, 2019. (In Rus.)
16. Shatin, Yu. V. Post-truth as a rhetorical phenomenon in the modern media space. *Vestn. NSU. Ser. Story. Philology*, no. 6, pp. 250–257, 2020. (In Rus.)
17. Myasnikova, Ts. Ts., Safronova, O. V., Tolstokulakova, Yu. V. Fakes in social media of the Trans-Baikal Territory: war against the axiology of society. *Humanitarian vector*, no. 18, issue. 3, pp. 164–174, 2023. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174. (In Rus.)

Information about the authors

Melnik Galina S., Doctor of Political Science, Professor; Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb. Saint Petersburg, 199034, Russia; g.melnik@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>.

Misonzhnikov Boris Ya., Doctor of Philology, Professor; Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb. Saint Petersburg, 199034, Russia; b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

Contribution of authors to the article

Melnik G. S. – systematized and analyzed the research material.

Misonzhnikov B. Ya. – the organizer of the research, who formulates conclusions and summarizes the results of is the implementation of the collective project.

For citation

Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Post-truth and the Concept of “War” in Provocative Media Discourse // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 164–172. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172.

**Received September 10, 2023; approved after reviewing October 18, 2023;
accepted for publication October 20, 2023.**